

Сентябрьский вечер. На улице — тепло, светло и не по-осеннему душно. Хотелось ощущений. Или хотя бы пива. Но денег на пиво не было, поэтому мы сидели на скамейке около дома, лениво курили и просто трепались за жизнь.

— ...я в Кудрявцеве место знаю, — похвастался вдруг Гоша. — Там грибов — косой коси. Даже собирать неинтересно.

И выжидающе посмотрел на меня.

— Ага, — согласился я. — Конечно.

Выражение моего лица не соответствовало этому оптимистичному заключению, поэтому приятель обиженно надул щеки.

— Чего «конечно»?

— Ничего. Врешь складно. Прямо заслушаешься.

— Ну и пожалуйста! — обиделся он уже по-настоящему. — Ты за грибами завтра собрался? Иди вместе со всеми! Может, и найдешь... пару сыроежек. И те гнилые. А там — белые! Хоть косой! Во какие! — Он наклонился и вытянул ладонь параллельно полу. От пола до ладони было сантиметров

пятьдесят. Здесь тоже все было понятно. Честнейший человек! Даже страшно!

— А я поеду! — продолжил он решительно. — Белых наберу! Из белых супчик зимой... — и, вытянув губы дудочкой, издал поцелуйный звук, — слаще меда!

В общем, договорились встретиться в полшестого, прямо на озерской платформе.

Первые смутные подозрения появились у меня, когда сошедшая с качуры на кудрявцевскую платформу внушительная толпа грибников дружно потянулась направо, в сторону деревни, и дальше к лесу, а меня Гоша, схватив за рукав, потянул через пути, в противоположную сторону.

— Ты уверен? — спросил я его опять, как говорится, на всякий пожарный.

— Уверен! Говорю же: мы с дедом всегда туда ходили. — И он кивнул вперед, в туманные дали. — Косить устанешь!

Он произнес эту уже надоевшую фразу про фантастическую косьбу с такой непогрешимой

убежденностью, что вспыхнувшие было с новой силой мои персональные сомнения, хотя и не без труда, но все-таки опять рассеялись. «Доверять надо людям!» Какой дурак это сказал!

И мы бесстрашно выступили в победный поход... Сначала пересекли приятный взгляду березняк (не останавливаясь, махнул рукой Гоша). Потом перемахнули через неизвестно откуда здесь взявшийся настоящий таежный бурелом. Спустились в овраг — вылезли из оврага. Промочили ноги в болоте, прошли здоровенным, до горизонта полем, заросшим васильками, ромашками и прочими лютиками-цветочками, продрались через заросли орешника, выскочили на дубовый молодняк — и наконец очутились в огромном и мрачном ельнике, дохнувшем на нас плесенью, унылостью и могильным холодом. Откуда-то спереди, из его зловащих дебрей, прокуковала кукушка. Она приказала нам долго жить.

— Все? — тяжело отдуваясь, поинтересовался я. — При малейшем движении в промокших кроссовках противно хлюпало. Действительность перестала казаться прекрасной и удивительной, а хлюпанье напоминало о беззаботном младен-

— Но ведь были же! — И он начал бестолково махать руками. — Я точно помню! Мы с дедом их именно здесь собирали! Вот у этих трухлявеньких пенечков!

Меня вдруг осенила неожиданная догадка.

— Когда вы их здесь собирали?

— Давно уже... — махнул он рукой. — Лет тридцать назад. Я еще в школе учился. Чего ты на меня так смотришь?

— Нормально смотрю, — пожал я плечами, с трудом отводя от него взгляд и сжимая скулы, чтобы не разразиться «великим и могучим» в его самой простонародной интерпретации.

— Действительно! Каких-то триста лет назад!

— Не триста, а тридцать! — тут же вспылил он. — Ну и что?

— Да ничего! Все правильно! Триста или тридцать — какая разница? Правда, тогда, тридцать лет назад, здесь еще мамонты бегали за колхозниками. И дикари с большими дубинками... Куда дальше побредем, Сусанин?

Мы повернули назад, прошли все теми же молодняком, болотом, оврагом и березняком и оказались в совершенно незнакомом месте. Солнышко стояло прямо над головами, весело-беззаботно стрекотали кузнечики, одуряющее пахли какие-то высокие желтые цветы («Орхидеи», — авторитетно заявил Гоша. Ну все знает! Абсолютно все!), а на высоком, одиноко стоящем дереве неизвестной породы вовсю зарабатывал себе сотрясение головного мозга работяга-дятел. Своим бодрым барабанным перестуком он желал нам доброго здоровья и самых разнообразных, какие только могут быть у таких дураков, как мы, успехов.

Еще через три часа, еле волоча ноги, но при этом преувеличенно-непринужденно размахивая совершенно пустыми корзинками (хоть бы какой мухомор попался! Хоть бы для смеха!), мы вышли к какой-то деревне. У крайнего сарая, наполовину вросшего в землю и заросшего мхом и крапивой, стояла удивительно грязная корова с огромным брюхом и лениво перетирала своими челюстями-жерновами росший у нее под копытами клевер. Было подозрительно тихо и удивительно спокойно. У меня почему-то зачесался нос и стало противно на душе.

Учуяв наше приближение, корова медленно повернула свою самоварообразную голову, увенчанную грязными рогами, и смерила нас равнодушно-презрительным взглядом. Гоша заискивающе улыбнулся этому милому домашнему животному и поежился.

— Здоровый какой... — боязливо шепнул мне на ухо. — И непривязанный. Куда только колхоз-

Лев Григорьевич Соловьев (1839–1919). Картина называется «Монахи. Не туда заехали». Датируется 1870-ми годами. Холст, масло. 52 x 78,5 см. Поступила в Сумской художественный музей до 1938 года. Приписывается Репину

честве, когда разрешалось мочиться прямо под себя. — Картина Репина «Приплыли»?

Гоша удивленно вертел по сторонам своей бестолковой, несмотря на университетский диплом, головой.

— Ведь это и есть то самое место! — «обрадовал» он, вращая близорукими глазами. — А как все заросло! Прямо и не узнать! Где ж грибы-то?

— А здесь еще и грибы должны быть? — вложил я в вопрос весь оставшийся у меня запас сарказма.

ники смотрят? Ишь, разглядывает! От такого не убежишь. Враз догонит!

— От какого? — не понял я.

— А вот! — И он опасливо кивнул на корову. — От бычары от этого! Смотри, какие у него помидоры! Чуть не до земли! Наверняка рекордсмен-производитель! Чего смотришь, шкура? (Это он уже не мне, а рекордсмену.)

— Это вымя, — пояснил я.

Гоша недоверчиво прищурил близорукие глаза.

— Уверен?

— Иди потрогай.

— А ведь и не подумаешь! — нехотя согласился он. — С виду — самый настоящий бык! А ты молодец! — неожиданно похвалил меня. — Разбираешься во всех этих... животноводческих премудростях! Правильно я тебя с собой взял!

Он зря старался: меня такой грубой лестью не купишь.

— А чего он... она молчит-то? — задал мой неугомонный друг очередной нелепый вопрос.

— А что, петь должна? — разозлился я. — «Ой, какая радость! Леша с Гошей появились!»

— При чем тут петь? Мычать! Эй, ты! Ну-ка, мяукни!

Корова на такое дикое предложение возмущенно фыркнула, шумно вздохнула и снова наклонилась к клеверу.

— Эй, товарищ! Как ваша деревня называется? — преувеличенно бодро прокричал мой опытный грибной друг маленькому тщедушному мужичку, одетому в телогрейку, валенки и лыжную шапочку с надписью «Адидас». Мужичок появился из бескрайних сарайных недр и не спеша заковылял к корове.

— У нас село, — хмуро поправил тот. — Называется — Мушкетерово.

— Как? — удивились мы.

— Мушкетерово, — повторил мужичок и посмотрел на нас опасливо, словно в ожидании какого-то подвоха. — Ну, чего? «Пора-пора-порадуемся на своем веку!» Не слышали, что ли? Кин такой! К нам тоже приезжали про партизанов снимать. — И он горестно махнул рукой. — А какие у нас партизаны... Вы из леса, что ли?

— Ага, — кивнул Гоша. — Вот! — Он поднял над головой руку и преувеличенно бодро потряс зажатой в ней корзинкой. — За грибами ходили!

— У нас в этом лесе грибов отродясь не водилось, — остудил его мужичок. — Зато гадюк навалом. Туры-ы-ысты! — и неприлично заржал. А ведь сначала произвел впечатление вполне культурного человека! — А еще в ем чупачупса водится!

Чупакабра

— Кто?

— Нет, не так... — Наш неожиданный знакомец задумался. — Чупакабра, вот! Зверь такой. Сам зеленый и с хвостом. Очень любит молоко сосать. Прямо у коров из вымев. От самогонки тоже не отказывается. Но только когда пьет — трясется. Поэтому мы ему последнему наливаем. Конечно! — И мужичок завистливо прищипнул язычок. — Кто ж от дармовой откажется!

Он опять заржал, и опять обидно.

— А чего ты, папаша, в валенках-то ходишь? — перешел Гоша на фамильярный тон, не обращая внимания на это обидное ржание. — Жара ж под тридцать градусов! Болееешь, что ли? Может, давление? Или шизофрения?

— Ноги мерзнут, — пожаловался мужик и нагнул поглубже на уши свою такую же грязную, как корова, «адидасовку». — И из ухов текеть.

— Дурдом, — констатировал Гоша. — Полный аллес капут. Как нам на станцию пройти?

Мужичок равнодушно махнул рукой вдоль улицы.

— Видите шестисотый? (Мы повернули головы и увидели около водонапорной колонки нестерпимо сверкавший на солнце «мерседес».) Дойдете до него, свернете налево. Там будет помойка, а за помойкой — платформа.

— Богатая у вас деревня! — уважительно отозвался мой всегда ироничный товарищ и кивнул на чудо немецкой автотехники. — На «мерсах» катаетесь!

Мужичок опять повернул голову, посмотрел на машину так, словно видел ее в первый и, желательно, последний раз.

— Хавна та... — услышали мы из его крестьянских уст.

И эта сермяжная правда жизни лучше любых пространственных речей говорила, что мужичонка не-

поколебимо уверен в завтрашнем дне и в своей зачуханной корове!

— В каждом негативе нужно уметь находить позитив, — сказал Гоша, когда мы отошли от мудрого селянина. — Грибов не набрали — зато свежим воздухом надышались. Как думаешь, сколько мы сегодня прошли?

— Километров сто, — не стал я размениваться. — Или даже больше.

— Вот что ты за человек такой! — тут же вспылал он. — А я что, меньше тебя устал? Нет, теперь тебя с собой за грибами никогда не возьму! И не упрашивай даже!

(Ну наглец! Упрашивал я его! В ногах валялся: «Возьми, родимый, возьми, касатик!») И говорит-то ведь таким убежденным тоном, что не захочешь, а поверишь!)

— В каждый горшок тебе обязательно плюнуть надо!

— Рад бы, да нечем, — не остался я в долгу. — Во рту как в пустыне Сахаре. И ноги дрожат, и руки трясутся. И жрать хочу, как из пушки.

— Ты же бутерброд съел! — удивился он.

— Ну конечно! — Тут уже и я завелся. — Целый прям огромный бутерброд! — И я взглянул на свои «командирские». — И всего-то шесть с половиной часов назад!

— Зато с колбасой. И маслом намазанный.

— Ага. И колбасы в нем было десять кило. И масла — ведро. Пойдем бутылку, что ли, купим с такой огромной радости? — И я кивнул на сельпо, дверь которого была приветливо распахнута.

— Алкоголик, — с непонятым удовольствием заключил Гоша. — Все правильно! Кто про что, а шивый — про бутылку. Лично мне выпивать совершенно не хочется!

Я сощурился и внимательно посмотрел в его как всегда совершенно честные глаза.

— Ну, если только так, за компанию, — завил он...

После первых ста граммов у меня наконец повеселело на душе и даже прояснилось в голове. Все-таки врут наши медицинские светила, что водка — яд. Водка — наслаждение! Живительный нектар! Немудреная услада жизни! Особенно после таких вот... переходов Суворова через Альпы, в которых не было, нет и, надеюсь, никогда не будет ни одного гриба!

— До качуры еще полчаса, — сказал Гоша, вкусно закусывая ностальгическим сырком «Дружба». — Рано приперлись. Надо было еще с тем умным селянином поговорить.

— О чем?

— Ну... — И он многозначительно вытянул губы дудочкой. — Об удоях разных, о покосах, о видах на урожай... Да и вообще про жизнь его скорбную... Нет, какой же ты все-таки нелюбопытный! Пойдем на травке, что ли, поваляемся? — впервые за весь этот день предложил он действительно дельное. — Эх, хорош он все-таки, этот немудреный сельский быт!

И то верно: чего здесь, на платформе, жариться? Тем более что внизу, метрах в двадцати, началась большая поляна, поросшая густой плотной травой. Предложение было куда как заманчивым, поэтому я охотно согласился.

И только устроился на головокружительно пахнущей травушке-муравушке, как со стороны Гоши раздался какой-то придушенный то ли стон, то ли вой, то ли крик.

— Ты чего? — вскинул я голову.

— Леха... Грибы... Мать моя, и сколько!

Действительно, прямо в траве (только раздвинь ее) блестили шляпки всех размеров и оттенков. И сколько же их было! В десять рук не соберешь! Косой не перекусишь! Трактором не передавишь! Бомбой не взорвешь!

Уже через десять минут наши корзинки были заполнены до самых верхов. Белые, подберезовики и подосиновики, все были как на подбор — и ни одного червивого! И это в каких-то двух десятках метров от платформы! Все правильно: какому дураку придет на ум искать их здесь, на самом ходу, под самым носом!

Довольные, мы вернулись на платформу и уже через десять минут сидели в вагоне, с гордостью лоя завистливые взгляды попутчиков. Электровоз весело свистнул, вагон дернулся, и через приоткрытое окно мы услышали задорно-веселый петушинный крик. Он желал нам процветать, обязательно здравствовать и приезжать еще. Теперь уже с косами.

